

ТЕСНАЯ КЛЕТКА

Текст «狭い籠», «Semaï kago» / «Тесная клетка», созданный на японском языке, был закончен 27 мая 1921 года, то есть за один день до ареста Василия Ерошенко, и опубликован впервые в июльском номере токийского журнала «改造», «Kaizou» / «Реконструкция», где имел подзаголовок «虎の夢» / «Тога по уиме» — «Сон тигра». Затем текст открывал первый сборник произведений Ерошенко «夜明け前の歌», «Yoakemaie no uta» / «Предраассветная песнь», изданный под редакцией Акита Удзюку в июле того же года, уже после высылки Ерошенко из Японии. Как отмечает японский публикатор текстов Ерошенко на эсперанто Минэ Ёситака, оба текста почти идентичны.

Уже в августе того же 1921 года, под впечатлением от депортации слепца из Японии, Лу Синь по сборнику «Предраассветная песнь» перевел текст Ерошенко на китайский язык. Этот перевод был опубликован сначала в знаменитом литературном журнале «新青年», «Xin qing nian» / «Новая молодежь» (1921, т. 9, № 4), а затем в сборнике «爱罗先珂童话集», «Ailuoxianke tong hua ji» / «Сказки Ерошенко» (Шанхай, январь 1922) с послесловием-комментарием переводчика, на который и опирались в дальнейшем советские публикаторы. Этот перевод текста Ерошенко не раз переиздавался и в самом Китае — как в составе сборника «Сказки Ерошенко» (1924, 1925, 1938, 1948, 1950, 1960, 1973, 1978), так и в собраниях сочинений Лу Синя в томе переводов.

Такасуги Итиро, составитель «エロシエンコ全集», так называемого «Полного собрания сочинений Ерошенко» / «Eroshenko zenshu» (Токио, 1959), изменил заглавие на «せまい檻» / «Semaï ori», включив этот текст в первый том трехтомника.

В СССР для сборника переводов произведений Ерошенко «Сердце орла» по ряду причин пять текстов, созданных писателем на японском языке, были переведены В.В. Куниным не с оригинала, а с китайского по переводам Лу Синя: «Сердце орла», «Тесная клетка», «На берегу», «Мудрец-время», «Трагедия цыпленка». После их публикации именно «классик новой китайской литературы» и «друг Ерошенко» Лу Синь выступал и до сих пор выступает переводчиком-посредником между Ерошенко и его читателями. Так, «Тесная клетка» в переводе с китайского языка В.В. Кунина была опубликована в сборниках «Сердце орла» (1962, Белгород), «Избранное» (1977, Москва), отдельной брошюрой (Белгород, 1992). Перевод с китайского языка, все еще по переводу Лу Синя из сборника «Сказки Ерошенко», выполненный Е.И. Митькиной, опубликован в издании «Человек мира» к 120-летию Василия Ерошенко (2010, Старый Оскол).

Нужно отметить, что украинский читатель произведений Ерошенко находится в еще более сложном положении. Дело в том, что перевод «Тесной клетки» на украинский язык, который был впервые опубликован в сборнике «Квітка справедливості» (Киев, 1969), а затем воспроизведен в издании «Казки та легенди» (Киев, 2004, 2006), выполнен Надеждой Гордиенко-Андриановой по русскому тексту белгородского сборника «Сердце орла», уже прошедшему тщательную допечатную подготовку и цензуру. То есть в основу украинского перевода был положен не авторский текст. Это редакция, выполненная московским китаистом, журналистом «Литературной газеты» Романом Белоусовым, который делал все возможное, чтобы сборник произведений Ерошенко обязательно вышел в свет в Советском Союзе. И это в дополнение к тройному последовательному переводу, когда языковая последовательность «японский — китайский — русский — украинский».

Отдельного исследования требует публикация «Тесной клетки» в киевском журнале «Жовтень» (1968, №2), где указан «переклад з японської», но не указан переводчик, сам же текст отличается и от более позднего варианта Н.Н. Гордиенко-Андриановой в сборнике «Квітка справедливості» (1969), и от использованного нами японского текста. Особенности текста позволяют все же предполагать перевод с русского языка, вероятнее всего, той же Гордиенко-Андриановой, но с серьезной литературной правкой другого редактора. На это указывают упоминания во вступительной статье Михаила Гончара как имени

исследовательницы, так и книги «Сердце орла», а также, например, фраза «таємно спалити бідну жінку з рабом її чоловіка». В сборнике «Сердце орла» этот фрагмент именно таков — «...тайно сжечь бедную женщину вместе с рабом ее мужа». В японском же тексте здесь «*生きた女を棺といっしょに焼くの*», – абсолютно логично «заживо сжечь женщину вместе с гробом». Да и сама возможность подобной путаницы возникает только при использовании русского или украинского, вероятнее всего, рукописного текста, который был неправильно прочитан.

Таким образом, можно утверждать, что авторский текст Василия Ерошенко до сих пор неизвестен ни российскому, ни украинскому читателю.

Итак, перевод текста В.Я. Ерошенко с японского оригинала предлагается читателю впервые. Он выполнен по изданию: *エロシエンコ童話集*. 偕成社, 1993. – С. 29-62.

Читателям-эсперантистам во всем мире доступен перевод Миямото Масао с японского языка на эсперанто, изданный в 1981 году Минэ Ёситака, который и был использован нами при сверке и подготовке примечаний: *Eroshenko V. Malvasta kaghō. Tradukita de Miyamoto Masao, kompilita de Mine Yositaka. Toyonaka: Japana Esperanta Librokooperativo, 1981*. По этому изданию нами реконструировано употребление В.Я. Ерошенко слов «раджа», «паланкин», «факир», «сипай» (выделены курсивом).

Вероятно, японский текст «Тесной клетки» подвергался литературной правке Удзюку Акита в 1921 году для сборника «Предраассветная песнь» и Такасуги Итиро в 1959 году для «Полного собрания сочинений», и последний вариант стал основой и для последующих изданий, подготовленных Такасуги Итиро. Но даже несмотря на это, можно заключить, что именно японский текст наиболее близок к авторскому замыслу Василия Ерошенко как по содержанию, так и по форме.

Целью переводчика было максимально точно передать при переводе и сохранить повторы и смысловые переключки как отличительную стилистическую черту текста незрячего автора-сказителя, однако богатейшую японскую звукопись и звукоподражания передать в полной мере, конечно же, невозможно.

**Юлия Патлань, руководитель
Международной научно-исследовательской группы
«Василий Ерошенко и его время»**

ТЕСНАЯ КЛЕТКА

1

Тигр устал...

Изо дня в день, изо дня в день одно и то же... тесная клетка... тесное небо, что видно сквозь клетку, и снова тесные клетки вокруг до самой дали, их ряд — куда ни глянь, куда ни глянь... И может показаться, что ограда зоосада все так же ширится дальше и дальше, до края мира.

Ах, как же устал тигр... Тигр вконец устал...

Изо дня в день, изо дня в день одно и то же... лица этих глупцов, что пришли поглазеть, звуки смеха этих глупцов, их тошнотворный запах...

«О, если бы только можно было жить, не видя больше грубых лиц этих глупцов... если бы только можно было жить, не слыша звуков их гадкого смеха...».

Но казалось, что толпам этих глупцов нет конца и за широкой оградой зоосада — до края мира, сколько хватит глаз; что звуки их гадкого смеха звучат, сколько существует вселенная.

Ах, как же устал тигр... Тигр вконец устал...

Тигр свернулся, как кот, спрятал лицо и задрожал от ненависти: «Ах, да разве жизнь тигра состоит только из разглядывания лиц скопища этих глупцов? Разве жить — это не более чем слышать звуки смеха скопища этих глупцов?» — вырвался тяжелый вздох из его груди.

«О, тигр плачет!», — загалдели экскурсанты, сбегаясь со всех сторон к клетке тигра. Все его тело вздрагивало от отвращения и гнева, он безотчетно сильно бил хвостом по полу клетки.

Он вспоминал: когда еще жил свободно в лесу, в глубине этого леса под высоким деревом, которому, возможно, несколько тысяч лет, было украшенное цветами каменное божество ками-сама (1).

Люди из дальних селений приходили туда, чтобы самозабвенно молиться, стоя на коленях перед каменным божеством ками-сама, даже почти забыв о нем, о тигре.

Иногда они позволяли вырваться вздоху, а иногда роняли слезы на цветы.

Эти слезы, смешиваясь с росой, в лунном свете дивно блестели, словно сияющие в ночи драгоценные камни. Некоторые из них танцевали на цветах, полные радости, а другие сияли на краях листьев травы, погруженные в раздумья.

Отличать эти людские слезы от ночной росы было в то время одной из его забав.

Однажды вечером он попробовал лизнуть дивно сияющие, словно драгоценные камни, слезы, которые уронили люди перед божеством ками-сама.

Тогда он еще ясно не ведал, что для божества ками-сама нет драгоценностей, равных людским слезам, самой дорогой жертве, что ценнее любой другой роскоши.

И потому он попытался лизнуть оставленные людьми слезы — один раз, лишь один раз.

И в тот вечер им удалось его поймать.

И ему показалось, что это кара каменного божества ками-сама.

И сейчас его грудь, грудь тигра болела от этих воспоминаний все сильнее, так что он чуть не плакал.

И как те люди, что на коленях смиренно молились каменному божеству ками-сама, тигр тоже стал на колени, обернувшись к каменному божеству ками-сама, и вскричал:

«О божество ками-сама, только бы жить, не видя... только бы жить, не слыша звуков гадкого смеха скопища этих глупцов...»

И тогда — прежде чем он осознал — звуки смеха этих глупцов стали все тише и тише, все дальше и дальше, и растаяли, словно весенние сны, в легкой дымке.

Тигр наострил уши и прислушался. В его ушах невесть откуда был слышен шепот прохладной речушки. И тошнотворный зловонный людской запах исчез — все наполнил аромат благоуханных цветов.

Тигр изумленно напрягал глаза и в страхе оглядывался, куда это он попал.

И кто может вообразить себе радость тигра в то время? Ведь он уже не видел ни тесных клеток, стесняющих мысли, ни теней людских глупцов. Он всего лишь спал под огромным деревом, которому неведомо сколько тысяч лет, перед каменным божеством ками-сама, украшенным цветами.

Только людские слезы дивно сияли на цветах, блестя в лунном свете.

Лишь сейчас он ясно понял, что заснул в то время, когда захотел лизнуть эту драгоценность — слезу.

«Ах, как приятно! Все это было сном! О радость!»

Тигр вскочил и стал носиться туда и сюда, хлеща хвостом по бокам и танцуя от радости в лунном свете. Его грудь дышала свободой, его тело наполнилось чудесной силой до малейшего волоска и оживленно двигалось.

«Ах, как приятно! Хоть я и думал, что и тесная клетка, и люди-глупцы, — правда, это был всего лишь ужасный сон. Но во сне или наяву — нет ничего отвратительнее клетки! Только это и есть правда. Я никогда не забуду этого, даже если умру!»

Говоря так, тигр бесцельно пошел среди деревьев.

2

Тигр и сам не знал, сколько он прошел, то подпрыгивая, то пританцовывая, то катаясь, словно мяч, то ложась на траву. Наконец, когда он вышел в широкую долину, его внезапно остановил резкий запах. Его большой нос трепетал, пытаясь узнать этот запах

«А, так это овцы. Откуда-то близко я чую овец... И что ни говори, спустя такое долгое время...»

Тигр беззвучно и свободно пошел среди высокой травы, ориентируясь на запах овец.

Через некоторое время перед ним показалась высокая ограда. И именно изнутри этой ограды и слышались дремотные голоса овец. Сколько же раз, наверное, видел тигр такие ограды! И сколько же раз, наверное, перепрыгивал через такие ограды, схватив овец или телят! Но лишь сегодня вечером в душе тигра вспыхнуло пламя несказанного гнева при виде этой ограды.

«Клетка, тесная клетка!»

Едва договорив, он взвился быстрее стрелы. Взревев ужасным голосом, который был сильнее грома, словно молния, он с силой обрушился на эту ограду. Под ударами его сильных лап, словно под ударами сокрушительного урагана, даже ограда, выстроенная из крепких кольев, качалась, как паутина на ветру.

Даже крепкие толстые колья вмиг падали один за другим, словно деревянный домик, с которым играет дитя. И через две-три минуты в высокой ограде возник такой большой проем, что в него могла бы проехать повозка.

«Эй, овцы! Милые братья! Выходите в свободный мир! Скорее выходите из клетки наружу!», — словно гром, ревел тигр, продолжая крушить ограду.

Но стадо овец, без сознания от страха, сбилось в углу комом, не шевелясь, и дрожало от ужаса, да и только. Овцам казалось, что нет ничего страшнее свободного мира.

Тигр воспылил гневом и крикнул: «О людские рабы, о низкие рабы! Разве вам не нужна свобода? Разве вы тоскуете по тесной клетке сильнее, чем по свободному миру? О, раболепные твари!»

Он втиснулся между овцами и своими сильными лапами хватал овец одну за другой и выбрасывал по очереди из клетки.

Но выброшенные наружу овцы хотели вновь возвратиться на прежнее место в клетку и жалобно блеяли, словно им заживо выпускали кишки тупым ножом.

Да и люди-сторожа, и их сторожевые собаки, пораженные этим зрелищем, были в растерянности. Но мало-помалу они вновь опомнились и набросились на тигра, чтобы

прогнать его. Несколько выпущенных пуль впились в тело тигра. Свора собак с ужасным лаем была готова его растерзать.

«Ах, овцы, низкие вы рабы! Ах вы, негодные скоты! Вы ниже, чем эти глупые собаки! Да вас ничто вовек не спасет!»

Сказав так, тигр, истекая кровью, несколькими прыжками достиг леса. И его силуэт сразу же скрылся из виду.

Сидя на корточках перед каменным божеством ками-сама, тигр зализывал царапины и плакал.

«Пожалуйста, только не дай мне больше нигде слышать голоса этих жалких овец...», — заткнув оба уха, молился он каменному божеству ками-сама.

«Только эти ужасные голоса... Пожалуйста, не дай мне слышать скорбные голоса этих жалких рабов, рабов до конца этого мира...»

Тигр плакал.

3

Тигр шел возле прекрасной виллы *раджи*. Когда-то давно тигр много раз проходил мимо этой виллы, — когда надолго отправлялся в Гималайские горы, или когда бегал в густых лесах и джунглях Бенгалии, до сих пор не знавших топора. Тогда он бросал презрительные взгляды на ее высокие каменные стены и глубокий ров.

Но лишь на этот раз, проходя мимо виллы, тигр вдруг застыл как вкопанный на краю рва, словно одержимый неким демоном. Сердце его забилося сильнее, он почти задохнулся: «Клетка, тесная клетка...»

В огромной вилле вели роскошную жизнь двести женщин раджи, прекрасных, как цветы.

И как же, наверно, поселяне, приходящие к вилле, завидовали роскошной жизни этих женщин! Молодые девушки, возвращаясь с полей, много раз останавливались в тени деревьев у рва, окружавшего загородный дворец. С корзинами травы на спинах, они весь путь до своих ветхих хижин снова и снова ярко представляли себе распутную жизнь этих женщин.

Но отчего же они так думали? Тигру сейчас казалось, что он ясно слышит тяжкие стоны этих красавиц, желающих освободиться. Он изо всех сил стиснул зубы.

Перед ним виднелась среди деревьев и сияла на ярком солнечном свете, как золотое светило, высокая крыша виллы, окруженной высокой каменной стеной. Как железной цепью, с внешней стороны ограды резиденция была охвачена рвом глубиной в несколько десятков футов.

Тигр сызмала ненавидел людей. Ненавидел еще малышом, когда сосал материнскую грудь. Но он и сам не понимал, отчего же теперь, едва он подумал о красивых женщинах, окруженных высокой каменной стеной, его сердце забилося так сильно, что у него перехватило дыхание.

Он несколько раз обошел виллу кругом. Когда он остановился у больших железных ворот и смотрел на длинный мост, поднятый с той стороны рва, то услышал, что по широкой дороге идут люди.

Тигр бросился в чащу, припал к земле и, затаив дыхание, ждал прихода людей. Спустя некоторое время среди деревьев прошла богато украшенная процессия. Он увидел в центре процессии, в окружении многочисленной свиты, несколько прекрасных золотых *паланкинов*, которые несли рабы.

В одном из паланкинов был раджа, а в другом — новая, двести первая молодая жена раджи. Они шли спокойно, не подозревая о тигре, скрытом в тенистой чаще. Тигр видел горящее жаждой наслаждений довольное лицо раджи. А еще он видел убранную с головы до ног драгоценными камнями и прекрасными одеяниями новую, двести первую молодую жену раджи.

Ее лица, скрытого вуалью, тигру не было видно, были видны только красивые, ясные, сверкающие, как весеннее небо, голубые глаза. Увидев их, тигр невольно вздрогнул.

«Конечно, я где-то видел эти глаза, конечно же... Эти ясные, печальные и полные страха глаза... А-а, понял! Ну конечно!».

Тигр грустно улыбнулся. Такие глаза были у всех загнанных тигром ланей. Тигр печально улыбнулся.

Пока он так раздумывал, процессия раджи ушла к вилле. Тихо опустился длинный мост, открылись большие железные ворота. У этих ворот, пряча свои лица за покрывалами, двести женщин раджи, улыбаясь, встречали его с супругой.

Однако мост тут же был поднят и ворота тут же закрыты. Лишь долго-долго звучали в ушах тигра отголоски сильного шума вокруг замка.

Солнце скрылось за западными горами. Крики шакалов возвестили о наступлении летней ночи. Крыша летней резиденции слилась с вечерней дымкой из рощи. Тигр неподвижно стоял, словно его манила каменная стена.

Но есть вещи, невозможные даже для тигра. Да и кто сможет перемахнуть через ров глубиной в несколько десятков футов и высокие каменные стены?

Тигр вздохнул: «Ах, есть вещи, невозможные даже для тигра...»

На той стороне рва слышались звуки. Будто кто-то убегает, а кто-то настигает.

Тигр открыл глаза и взглянул вверх на каменную стену на той стороне. На верху стены неожиданно появилась молодая женщина с красивыми глазами, лицо которой было скрыто покрывалом. Она босиком стояла на стене, одетая в свадебный наряд.

Тигр ясно понял, что ее стройная фигура полна страхом и дрожит в вечерней дымке, словно загнанная тигром лань.

Она хотела броситься в ров. Однако в тот самый миг, когда она хотела прыгнуть, глаза её неожиданно встретились с чудесно светящимися, пристально глядящими на нее глазами тигра на том берегу. Она невольно отшатнулась.

В этот миг подбежавший к ней сзади раджа схватил ее и уволок по земле, как тигр лань.

В ушах тигра остался только ее внезапный отчаянный крик. Услышав этот крик, тигр позабыл все и вся. Его тело охватил огонь, он весь задрожал. Собрав все силы, он прыгнул в ров.

Несколько минут он взбирался по каменной стене, как огромный кот. И вскоре его силуэт появился наверху каменной стены. Там он остановился ненадолго, но тут же исчез в саду раджи.

Там было совсем тихо. Только прохладный плеск фонтана и шелест цветов. Кровь тигра постепенно остыла. Он некоторое время постоял и поводил носом, принимаясь, словно что-то искал. В густом, душном, полном ароматами цветов вечернем воздухе запах людей, казалось, растворился. Тигр несколько раз глубоко вдохнул эти ароматы и, наконец, едва уловил запах, который искал.

Бесшумно и легко он вспрыгнул на широкую веранду и заглянул внутрь за бархатные занавеси. В большой великолепной гостиной никого не было. Тигр потихоньку вошел и снова оглядел зал.

Безлюдный зал был полон странного сияния — отблесков мебели и драгоценных камней. Рядом с ним золотые рыбки играли с лунным светом в большой стеклянной вазе на мраморной подставке. В другом углу комнаты в изящной плетеной клетке на жердочке тихо спала канарейка.

Увидев это, тигр обо всем позабыл и в гневе взревел: «Клетка, тесная клетка... Всюду лишь клетки...»

Тигр легко вскочил и приблизился к клетке. «Эй, канарейка! Скорее выходи, выходи наружу, лети же в свободный мир! Вон тот прекрасный лес в лунном свете ждет тебя!»

Говоря так, он своими сильными лапами ударил и почти разломал клетку. Испуганная канарейка дрожала и билась всем телом, пытаясь спрятаться от него в самом дальнем углу клетки.

«Я даю тебе свободу! Лети же из этой тесной клетки! Лети же скорее в свободный мир!»

Но канарейку страшила свобода; ей казалось, что этот свободный мир — самый ужасный, и что ничего нет страшнее свободы.

«Ах ты, низкая негодная рабыня людей! Разве тебе не нужна свобода?»

Тигр сунул свою сильную лапу в клетку, чтобы вытащить наружу трепещущую канарейку. Однако вынута наружу канарейка уже испустила дух. Тигр положил ее маленькое тельце на лапу и в лунном свете некоторое время растерянно на нее смотрел.

«Рабыня, но милая. И такая красивая...»

Но, словно внезапно о чем-то подумав, он положил холодную мертвую канарейку на самом светлом месте в центре зала и легко прыгнул к золотым рыбкам. А потом посмотрел сквозь воду в лунном свете на золотых рыбок внутри стеклянной вазы.

Золотые рыбки резвились в лунном свете. Они с плеском жевали отраженную в воде луну, то открывая, то закрывая свои большие рты, а порой переворачивались, глядя вверх и показывая свое брюшко.

В глазах тигра мелькнула тень сочувствия.

«Эй, маленькие печальные золотые рыбки! Я возьму вас с собой к широкой прекрасной реке Ганг! Там течет более чистая вода. Я возьму вас к широкому, свободному, беспредельному морю... Там плавает более красивая луна. Я возьму вас с собой в тот свободный, красивый мир!»

Но изумленные золотые рыбки тихо легли на дно. Золотым рыбкам казалось, что нет ничего страшнее самой красивой реки Ганг, ничего ужаснее, чем бескрайнее свободное море.

«Рабы, людские рабы, куда ни пойдешь – всюду лишь рабы!»

Тигр сунул правую переднюю лапу в воду и попытался поймать золотых рыбок. Но золотые рыбки, словно насмехаясь над ним, легко уворачивались от его лапы.

Тигр рассвирепел. Он сел на задние лапы, опустил передние лапы в воду и попытался поймать золотых рыбок, с плеском взболтав воду. Но все золотые рыбки стрелами выскользнули у него из лап.

«Ах вы скоты, людские рабы!»

Тигр ужасно разгневался и изо всех сил взмутил воду. В тот же миг стеклянная ваза пошатнулась и со страшным шумом упала на пол. Пораженный этим шумом, тигр инстинктивно метнулся к дверям.

Через несколько мгновений из глубины дома, отбросив занавесь, в комнату вбежал раджа в ночных одеждах, с пистолетом в правой руке.

Лишь на миг, лишь на миг встретились глаза вбежавшего раджи с пронзительными глазами дрожащего от ярости тигра.

Резкий звук пистолета, рев тигра словно потряс виллу до основания. Последний стон человека, завершающий жизнь.

И снова потянулась дивная тишина индийской ночи.

Слышался лишь прохладный звук фонтана и тихий шепот цветов... И на полу прекрасной просторной гостиной с плеском оживленно барахтались и подпрыгивали золотые рыбки, залитые лунным светом. И двести одна женщина раджи почти перестали дышать.

4.

Тигр лежал в густом лесу перед каменным божеством ками-сама и зализывал себе глубокую рану в груди. И грудь, и лапы, все его тело ныло от пульсирующей боли, но он больше не плакал. Лишь время от времени издавал глубокий, полный боли стон. Он не хотел молить каменное божество ками-сама об исцелении раны в груди, но с унылым лицом погрузился в глубокие размышления. Он уже не мчался, словно человек, за спасением к каменному божеству ками-сама.

Вновь началась летняя ночь Индии, и своим темным плащом тихо укрыла все вокруг. Далекий лай шакалов возвестил об их приближении. Тигр попытался уснуть, но издали был слышан крик какой-то растревоженной птицы. Тревожная тишина ночи не успокоила

тигриного сердца и не позволила ему спокойно уснуть. Он поднял голову и, пристально глядя вперед, наострил уши.

«Что это? Никак люди? Кто-то, кажется, пришел молиться... Ох, да тут не один! Сколько же их? Раз, два, три, четыре! Ах, да их очень много! Много пришло».

Он быстро тревожно поводит носом, принюхался, пытаясь узнать запах.

«А, здесь есть и кто-то знакомый. Кто же это? Это не охотник Джим... И не лесоруб Ананда... И не *факир* Рама... А-а, понял, это женщина, похожая на лань!

О, запах раджи тоже здесь! Ну, это не шутка! Ведь я же наверняка раскроил ему голову на четыре части... Да, точно на четыре части!

И брамины тоже идут. Один, другой, третий... что же они собираются делать?

А-а, неужто тайное общество? Опять они хотят заживо сжечь женщину вместе с гробом? (2). Но гроб раджи ни за что не будет сожжен вместе с женщиной, похожей на лань!».

Он вздрогнул и пробормотал: «Я этого не допущу. Что бы ни случилось, женщина, похожая на лань, не будет сожжена!»

Прячась в тени кустарника, он пытался успокоиться.

Как раз в это время тихий ветер подул с противоположной стороны и принес из-за деревьев новый запах, который уловил нос тигра.

«Что же это все вообще такое?»

Он подергал своим большим носом, и попытался тщательней принюхаться.

«Да это, никак, снова люди? А-а, и оружием пахнет. Видно, *сипаи*?... (3) И белый с ними, похоже, офицер...

Да это опасно! Они хотят окружить, пока никто не заметил. Что же они собираются делать? Наверное, они пытаются поймать кого-то...

Не может быть, чтобы они собрались охотиться. Но пришло много — наверное, больше ста, как знать...»

Роскошная похоронная процессия из нескольких десятков человек, которую вели брахманы, остановилась перед каменным божеством ками-сама. Но все, и брахманы, и их спутники, словно испуганные чем-то, шли робко и старались поменьше шуметь и сохранять тишину. И каждый с испуганным видом беспокойно озирался.

И женщина, похожая на лань, тоже бросала тревожные взгляды вглубь леса. И тигр ясно ощущал, что она ждет кого-то и надеется, что кто-то скоро появится и спасет ее из рук брахманов.

«Наверное, это она меня ждет, не зная, что я буду здесь...», — тигр обрадовался и радостно засмеялся.

Рабы поспешно взялись за работу. И не прошло и десяти минут, как прямо посреди прекрасного леса выросла высокая гора дров.

Но похожая на лань женщина все молилась. И казалось, что эта скорбная молитва продлится вечно. И брахманы, и остальные рассердились.

«Скорее, скорее! Священный огонь ждет тебя! Дэва (4) ждет тебя, ждет твою чистую душу!».

Рабы тихо возложили роскошно убранный золотом гроб раджи на дрова. Но похожая на лань женщина молилась и вовсе не желала спешить. Отчаянным взглядом она звала кого-то из летней ночи Индии. Тигр радостно улыбался. Маленькие глазки брахмана были остры, как иглы, а его костлявое лицо сияло.

«Скорее, скорее! Махадэва (4) ждет твоей последней чистой жертвы. Небо ждет, что вы отдадите свой последний долг» (5).

Рабы держали в руках горящие красным факелы, извивающиеся, как языки змей, и с нетерпением ждали знака брахмана, чтобы тут же поджечь гору дров.

Похожая на лань женщина бросила в сторону леса последний взгляд и поднялась на гору дров, силой влекомая парой брахманов. Когда легкий ветер откинул покрывало, тигр ясно увидел под ним ее мертвенно—бледное лицо — блее покрывала.

Брахманы начали творить странную молитву. Рабы разожгли огонь со всех сторон. Словно последний прощальный стон, тонкий дымок тихо поднимался ввысь к ночному небу.

Тигр, внезапно позабыв обо всем, хотел броситься в гущу людей.

Но в этот миг солдаты в красном (3) никем до тех пор не замеченные, со всех сторон стрелами ворвались на место погребения.

Лица брахманов и их последователей при виде индийских солдат застыли в изумлении. Только радостный призывный возглас женщины, похожей на лань, казалось, был слышен до самых далеких Гималайских гор. Этот возглас, словно кинжал, пронзил грудь тигра.

«Она ждала не меня, а этого белого человека!»

Он обхватил свою грудь двумя лапами, чтобы она не разорвалась от боли... Обхватил грудь двумя лапами, чтобы не дать вырваться печальному скорбному стону.

Белый человек, размахивая странными бумагами, что-то приказал (6). Затем, сняв с вершины горящих дров женщину, похожую на лань, обнял и прижал ее к собственной груди.

При виде этого глаза брахманов сверкнули, словно молнии. И грудь тигра разорвала боль.

Брахман, дрожа всем телом от страха или гнева, поднял руки вверх к каменному божеству ками-сама и закричал:

«О почтенные божества Индии, молю вас, о все почтенные божества! Вы издревле изволили защищать землю Индии! Ниспошлите же этой женщине, что предала вас, непрерывные муки ада...»

И все его последователи эхом вторили за ним: «Ниспошлите же этой женщине, что предала вас, непрерывные муки ада (7)...»

«Будь же она проклята, эта женщина, что полюбила врага земли Индии, отечества Индии, что предала нас, служителей всех божеств Индии».

И его последователи все тоже вскричали: «Будь же проклята эта женщина!»

Услышав слова проклятий, похожая на лань женщина задрожала. Но белый человек, чем больше слышал слов проклятий, тем сильнее прижимал дрожащую женщину к своей груди. Лицо женщины, похожей на лань, сблизилось с лицом этого белого человека, сияющим от радости победы. Затем уши тигра, казалось, услышали слова любви.

Вскоре солдаты этого белого человека увели всех: и брахманов, и их последователей, и рабов, которые унесли гроб раджи.

И похожая на лань женщина в объятиях белого человека тоже исчезла и погасла, словно сон летней ночи.

Только еле заметно поднимался в небо тонкий дым, словно последний стон...

5

Тигр вскочил. Его грудь нестерпимо болела. В его груди пылала болезненная страсть, которой он сам не понимал и никогда не испытывал прежде. Тигр последовал за людьми, которые исчезли, словно ночной сон, он тихо полз среди высоких трав, бесшумно, чтобы его не увидело каменное божество ками-сама, чтобы его не заметили люди. Тихо сгустилась летняя ночь Индии, и в глубокий сон погрузились мириады листьев леса, словно в дожде, купаясь в лунном свете.

Вдруг послышался чей-то резкий крик, нарушивший тишину ночи. Затем звуки нескольких ружейных выстрелов. Стоны людей. И темная фигура вихрем метнулась среди деревьев. И вновь настала удивительная ночная тишь.

Тигр незамеченным появился на поляне. На его пути и лапах можно было видеть следы еще теплой крови. Он искоса бросил взгляд в лицо каменного божества ками-сама. «Все в порядке. Он ничего не знает. А даже если и узнал бы, это не было бы важно.

Всего-то навсего не стало одного белого людского парня», — пробормотал тигр и затаился в тени кустов. Но даже у него, храброго тигра, не хватило смелости, чтобы выйти вперед перед каменным божеством ками-сама и лечь там на цветах.

Индийская летняя ночь внезапно укрыла все своим черным плащом. Было тихо. Далекий вой шакалов возвестил полночь.

Внезапно, пронзив черный плащ ночи, из глубины леса выбежала перед божеством ками-сама женщина, похожая на лань. Белая накидка ее была откинута назад и волосы закрывали ее бледное лицо, в котором не было ни кровинки. Ее красивые влажные глаза, казалось, могли служить символом самого отчаянья. В ее тонких руках остро сверкнул украшенный серебром кинжал.

На коленях перед каменным божеством ками-сама она пыталась молить о чем-то. Но она вдруг забыла все молитвы, она не могла вспомнить ни слова.

Казалось, каменное божество ками-сама никогда не сможет забыть лицо этой женщины, похожей на лань, освещенное лунным светом лицо женщины, которая вдруг забыла все слова молитв.

Она силилась вспомнить слова хоть одной молитвы, но все было зря. Ни одного слова молитвы она не могла себе вообразить.

«Я проклята богами моей страны. Я восстала против стремлений святых брахманов. Я полюбила врага божеств Индии, земли Индии. И для меня нет другого пути, кроме того, чтобы уйти в преисподнюю».

Серебряный кинжал в ее руке резко блеснул в ее груди.

Тигр закричал, словно кинжал пронзил его собственную грудь. Затем, внезапно выскочив из-под кустов, он приподнял лапой голову упавшей женщины, похожей на лань... Он вынул кинжал из ее груди...

Каменное божество ками-сама стояло спокойно, как и раньше. Как последняя жертва божеству, свежая кровь капала из груди женщины на верхушки цветов.

Тигр размышлял, глядя в лицо женщины, которая стала неподвижна. Тогда он впервые ясно ощутил, что люди заключены в тесную клетку, невидимую людским глазом, и она не может быть разрушена даже сильными лапами. Он снова рассвирепел, подумав о клетке.

«Ну да, люди — низкие рабы. Но только кто же заключил их в невидимую глазом клетку, словно рабов?»

Он искоса взглянул в лицо каменного божества ками-сама и отвернулся.

«Нет, это не он. Он ничего и не знает... Но кто же это может быть тогда?»

Капли крови на траве, смешавшись с росой, сияли в лунном свете, словно дивные драгоценности. Как сияющие во тьме драгоценные камни на шее девы-небожительницы, сошедшей с небес.

«Как сияет кровь рабыни! Она словно рубин. А какая она на вкус, как знать? Не лизнуть ли ее немного?»

Тигр снова искоса взглянул в лицо каменному божеству ками-сама.

«Ничего страшного, он ничего не знает. Лишь одну людскую драгоценность, немного, лишь одну людскую драгоценность...», — и он тихонько попробовал лизнуть кровь рабыни, сиявшую на цветах, словно драгоценные камни.

И как только он это сделал, от него постепенно отдалились и сияющая, словно драгоценности, кровь, и камни, и каменное божество ками-сама, и журчание холодной речушки, а шелест тысячелетних деревьев сменили людские голоса. Проникающий в душу аромат цветов сменился отвратительным запахом людской толпы.

Тигр широко раскрыл глаза и огляделся. Он заснул, свернувшись клубком, в тесной клетке. И перед этой тесной клеткой, и вдали, насколько хватит глаз, тоже были тесные клетки. И черным-черно от множества лиц собравшихся глупцов. И кроме этого ничего нельзя было увидеть.

Тигр в отчаянии взревел страшным голосом.

«А, так тесная клетка и лица этого скопища людских глупцов — это реальность...»

Зрители в восторге шумно его приветствовали.

«Тигр подал голос! Тигр поднялся!»

Он подпрыгнул и изо всех сил ударил железную решетку клетки. Но его лапы были слишком слабы и не могли проломить ее.

Он еще раз издал ужасный рев и прыгнул, с силой ударился головой о железные прутья, и рухнул на пол клетки, обливаясь кровью.

В страхе разбежавшиеся зеваки снова приблизились к клетке тигра и радостно смеялись.

«Ах, лица этого скопища глупцов, ах, гадкий смех этого скопища глупцов...»

Тигр закрыл глаза. И еще раз вызвал у себя перед глазами каменное божество ками-сама.

«Каменное божество ками-сама, приношу эту кровь тебе как свою последнюю жертву. Только молю тебя: сделай так, чтобы я больше не видел лиц этого скопища глупцов, чтобы я больше не слышал их гадкого смеха...»

И это была последняя мольба индийского тигра, обращенная к индийскому каменному божеству ками-сама.

Как только он это сделал, смех скопища глупцов понемногу стал неслышим, сменившись шорохами индийской летней ночи. Тошнотворный запах людской толпы постепенно превратился в аромат доисторического индийского леса.

Но сам тигр больше не хотел открыть глаза, чтобы увидеть ни столь любимые им просторы, ни каменное божество ками-сама, ни старый огромный лес возрастом в несколько тысячелетий, ни кровь рабов, дивно сияющую, как драгоценность. У него больше не было мужества открыть глаза.

Перевод с японского Юлии Патлань

Примечания переводчика:

1. Ками (神) — в синтоизме божественная сущность, бог, божество; суффикс «сама» означает вежливое обращение. Ками в синто называются как человекоподобные существа, так и духи, птицы и звери, поля и травы и вся другая природа, а также их духи-тама, пребывающие в святилищах, в которых они почитаются. Хотя в тексте Василия Ерошенко, как видно и из последующих примечаний, речь идет об индийских реалиях, переданных максимально точно (Ерошенко использует языковые кальки *gaja*, *palankin*, *fakir*, *serou*), но сам этот текст создавался на японском языке и для японцев, объясняя индийскую экзотику в максимально понятных для национального сознания терминах. С учетом того, что в этом тексте слиты воедино четыре ментальные и смысловые сферы — русская, японская, индийская и английская, что так или иначе отражено в языке произведения Ерошенко, нами было решено оставить понятие «ками-сама» как маркер японского оригинального текста с определенным терминологическим значением.

2. Сати — похоронная ритуальная традиция в индуизме, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе с её покойным супругом на специально сооружённом погребальном костре. «*Sati*» — прилагательное женского рода на санскрите, означающее «настоящая», «существующая», а также «правдивая», «честная». Название произошло от имени богини Сати, которая принесла себя в жертву, будучи не в силах снести унижения, которым её отец Дакша подверг избранного ею бога Шиву. Традицию продолжали соблюдать вплоть до начала XIX века в разных районах с большей или меньшей регулярностью. *Sati* до сих пор иногда имеет место, преимущественно в сельской местности. С 1947 года в Индии зафиксировано около 40 случаев, большинство которых приходится на район Шехавати штата Раджастан.

3. Сипаи, «солдаты в красном» — наёмные солдаты в колониальной Индии (XVIII—XX века), вербовавшиеся европейцами, чаще всего англичанами, из местного населения. Значительная часть из них носила красную униформу.

4. Дэва, Махадэва — великий бог — титулы Шивы в индуизме.

5. Брахманы восхваляли *sati* как долг честной женщины и квалифицировали это не как самоубийство (которое запрещено и осуждается в письменах), а как акт священного

почтения, который, по их утверждениям, должен очистить супружескую пару от накопившегося греха, гарантировать им спасение и обеспечить воссоединение.

6. Несмотря на запреты британских властей, *сати*, как и секта *Туги*, продолжали своё существование, что давало британцам дополнительное оправдание их колониальной политике в Индии. Отношение британцев к сати в период поздней истории Индии, выражено в часто повторяемой цитате, обычно предписываемой генералу Нэпиеру (Charles James Napier): *«Вы говорите, что сжигать вдов — ваша традиция. Прекрасно. У нас тоже есть традиция: когда мужчины сжигают женщину живьём, мы берём верёвку, делаем петлю и накидываем её им на шею. Возводите свои погребальные костры — а рядом наши плотники возведут для вас виселицы. Вы можете следовать вашим традициям — а мы будем следовать нашим».*

7. Мукэн-дзигоку (無間地獄), «Беспросветное подземелье», самый страшный ад Авичи-нарака. В него, как в кипящий котёл, сквозь пламя низвергаются грешники, а демон помешивает это варево и не даёт из него выбраться. Авичи-нарака в буддизме — самый глубокий, восьмой круг горячего ада на глубине 40 000 йоджан, высота ада 20 000 йоджан, столько же, сколько все семь предыдущих адов вместе взятых. Пребывание в этом аду занимает 339 738 624 x 1010 лет, до конца кальпы. Поэтому этот ад называется «непрекращающейся наракой», «где преступники беспрестанно умирают и вновь рождаются — но все же не без надежды на конечное спасение». В этот ад попадают те, кто «отсёк корни благого» — кто из-за приверженности к ложным воззрениям уничтожил в себе ростки не-алчности, не-вражды, не-невежества. В полемике с брахманизмом указывалось, что до такой степени могут опуститься приверженцы вед — брахманы, которые безнравственностью и несправедливыми законами поощряют преступность, алчность, злобу.